

НАРОДНОЕ ЧТЕНИЕ И НАРОДНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ В РОССИИ КОНЦА XIX в.

Освобождение крестьян в 1861 г. поставило общество и государство перед тем фактом, что крестьянин, прежде находившийся под опекой своего господина, стал самостоятельным и превратился в юридическое лицо. Однако это превращение оставалось формальным, пока мужик был неграмотным¹. Прочитать и понять более или менее сложный текст, что требовалось для того, чтобы крестьянин действительно стал юридическим лицом, среди простонародья умели совсем немногие. Обучение простого человека, если оно вообще происходило, ограничивалось одним-двумя, редко тремя классами. Обязательного обучения в России не существовало, особенно в деревне, где дети рано становились работниками. Полученная в процессе обучения грамотность, не находившая применения в деревенской обыденной жизни, слабела и порой улетучивалась. Единственную возможность сохранить грамотность, а также и продолжить образование, доставляло чтение.

В десятилетия, последовавшие за освобождением крестьян, особенно в 80–90-х годах, народное чтение и народный читатель – термины весьма неопределенные – стали предметом оживленного обсуждения. Однако эти термины не бессмысленны. Р. Шартье утверждает, что со времени изобретения книгопечатания культуру всех западных обществ можно определять как культуру печатного слова: книги – первоначально достойные ученой культуры – проникали в народную культуру, взаимодействовали с нею и ее модифицировали². В известном смысле это утверждение можно отнести и к России. Но все же здесь и в XIX в. граница между “обществом” (в понимании XIX в., обществом образованных людей) и “народом” пролегла в значительной степени по линии грамотный–неграмотный. Впрочем, интерес к народному чтению и само развитие народного чтения свидетельствовали о некотором сдвиге.

Читает ли что-либо простой человек в городе и в деревне? Что его интересует? Читает ли он газеты и журналы? Книжки? Какие именно? Что извлекает он из этого чтения и что ему действительно нужно? Как следует писать, издавать и продавать книги для народа? Эти вопросы еще в начале 60-х годов поставил Л.Н. Толстой в журнале “Ясная Поляна”, обратившийся к учителям и священникам с вопросами относительно крестьянского чтения. В 70–80-х годах было составлено несколько программ изучения народного чтения, а в 80–90-х годах эта проблема выдвинулась в центр дискуссий в журнальных статьях и специальных исследованиях этого времени³. Газеты, журналы и особенно книги, отмечали участники этих дискуссий, все больше и быстрее проникали в деревню и в

низшие слои городского населения. Помимо специальных усилий либеральной и народнической интеллигенции, здесь играло роль установление все более тесных связей между деревней и городом. Широко развивалось отходничество. Все больше и больше крестьян уходили из деревни. Чаще всего на заработки отправляли грамотных молодых мужиков, имевших хотя бы начатки каких-то знаний, которые могли им помочь прижиться в городе. Здесь они сталкивались с людьми совершенно иного уровня, стремились приблизиться к ним, приобщались к специфическому городскому образу жизни, в котором составной частью и нормой повседневной жизни было чтение. Формировался новый слой городского простонародья, своими корнями и просто родственными узами связанный с деревней, но уже существенно отличавшийся от ее жителей. Бывая в деревне на полевых работах, а иногда возвращаясь надолго в связи со спадом производства в городе, — они приносили туда книги. Возникает обмен между деревенской культурой и культурой городских низов.

Народный книжный рынок был заполнен лубочными изданиями. В начале 90-х годов в книжных лавках И.Д. Сытина насчитывалось около 580 названий лубочных книжек, причем тиражам могли бы позавидовать и современные авторы. Это вызывало гнев “интеллигентных критиков” лубочной литературы. Народ, утверждали они, давно перерос низкопробную “литературу Никольской улицы” и может воспринять лучшие произведения русской и западной классической литературы и серьезные научные книги, если все это приспособить к уровню его понимания.

В обществе распространялись идеи обдуманной организации народного чтения — прежде всего путем издания и распространения в народе специально для него предназначенных книг и журналов. Были предприняты попытки издания специальных дешевых книг “для народа”, популяризовавших русскую и западную художественную и научную литературу, содержавших материалы по сельскому хозяйству, ремеслам и т.д. Вначале издательская деятельность такого рода не приносила ощутимого успеха, но созданное по инициативе Л.Н. Толстого в 1884 г. и действовавшее в тесном контакте с ним издательство книжного склада “Посредник”, которое постаралось использовать опыт лубочников в оформлении и продаже своей продукции, для чего привлекло хорошо знающего этот опыт И.Д. Сытина, сумело действительно приблизиться к народному читателю и попыталось конкурировать с “литературой Никольской улицы”. И все же, хотя книжки “Посредника” и имели неплохой спрос, они не выдерживали конкуренции: любимым чтением городских низов, и особенно крестьянства, оставались лубочные книжки. Не смогли конкурировать с лубочниками и другие издательства народной литературы, число которых к концу 90-х годов достигло 50.

Были предприняты новые шаги для изучения читателей и той литературы, которую читают в народе⁴. Активный пропагандист специальной серьезной литературы “для народа” Н.А. Рубакин⁵ предложил программу такого изучения, составив вместе с группой учителей и учительниц, своих единомышленников, анкету под заголовком “Опыт программы исследо-

вания литературы для народа”, опубликованную в 1889 г. Он получил ответы на анкету от 358 лиц, среди которых, помимо учителей, учительниц, фельдшеров, фельдшериц, священников были 91 рабочий и 58 крестьян.

Авторов программы Рубакина интересовал социальный состав читателей и уровень их благосостояния, условия работы, образовательный уровень. Какие мотивы побуждают их к чтению: стремление приобрести новое знание или получить удовольствие? Какие книги предпочитают: духовного или светского содержания? Есть ли в обиходе читателей сонники и оракулы, какова роль веры в судьбу, гаданий, суеверий в жизни простых людей, имеют ли суеверия практическое значение или в них отражена всего лишь память о прошлом? Какие темы привлекают читателей из народа: история, путешествия, юридические и общественные вопросы, наука? Какие литературные жанры предпочитают в народе; правду ли говорят, что читатели из народа любят “пострашнее и посмешнее”, что книгам о жизни простых людей предпочитают рассказы о красивой жизни господ? Знают ли читатели имена писателей и каких любят особенно? Играет ли роль внешнее оформление книг? Как и где их приобретают и как читают (в одиночку или совместно, вслух)? Собранные материалы, на основе которых Н.А. Рубакин написал книгу “Этюды о русской читающей публике” (СПб., 1895), он использовал преимущественно для характеристики состояния книжного дела в России, в особенности библиотек, и для разработки типологии читателей. Подготовительные материалы к “Этюдам о русской читающей публике” хранятся в архивном фонде Н.А. Рубакина в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. В составе фонда – письма крестьян и рабочих, содержащие ответы на вопросы его анкеты, порой краткие, порой очень длинные, занимающие 2–3 тетради. Есть подборка ответов рабочих на вопросы об отношении к труду, к учению, к чтению, об отношении к браку и т.д., заданные учителем воскресной школы; заметки подростков о прочитанных книгах. Есть подлинные тексты написанных солдатами артиллерийской роты изложений рассказов Л.Н. Толстого “Два старика” и “Где любовь, там и Бог”.

Другую попытку изучить народное чтение и способствовать его “правильному” развитию предприняла группа харьковских учительниц. Ею руководила Х.Д. Алчевская (1841–1920)⁶, педагог и литератор, жена крупнейшего финансиста южной России, владельца шахт и металлургического завода. Она открыла в Харькове частную воскресную школу для немущих жителей города (возраст учеников – от 9 до 40 лет) и вместе со своими помощниками в течение нескольких лет вела наблюдения за чтением учеников в этой школе, а также в вечерней школе для взрослых и в двух сельских училищах, одно из которых находилось в селе Алексеевка, рядом с имением Алчевской.

Учительницы устраивали библиотеки и, общаясь с читателями, предлагали им пересказывать содержание прочитанного, записывали эти пересказы, а также и отзывы о книгах, проводили в городе и в деревне небольшие публичные чтения. Собиралось – самое большее – 20–25 чело-

век; в городе это были ученицы воскресной школы разных возрастов, преимущественно молодые девушки: прислуга, белошвейки, почти все крестьянского происхождения. В деревне слушателями были в основном неграмотные украинские крестьяне: мужчины и женщины, дети и старики. Читали большей частью книжки, издаваемые специально для народа. Впрочем, однажды Алчевская читала крестьянам и лубочные книги. Ниже мы скажем о ее впечатлениях.

Предполагалось, выявляя отношение читателей и слушателей к тем или иным книгам, составить для издателей и для учителей аннотированные рекомендательные списки литературы "для народа". Плодом огромной работы учительниц стали вышедшие в 1884, 1889 и 1906 гг. три больших тома, объединенных общим названием "Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения"⁷. Эти книги были представлены на выставках в России и за границей, а первые два тома удостоены высоких международных премий и заслужили множество лестных отзывов.

Указатель построен следующим образом. Библиографическое описание рекомендуемой для чтения книги, краткое изложение содержания, мнение рецензента. Затем запись пересказа или ответов на вопросы учительницы. Если книгу читали вслух — сообщение о том, как восприняли книгу слушатели. Наиболее интересны подробнейшие записи самой Алчевской, исходившей из той установки, что «придавая значение подлинным словам и выражениям крестьян, "необходимо" поместить их в книге в полной неприкосновенности» и обращать внимание на мысли, вызванные у читателей книгой, "на те сближения, которые они делали с жизнью". "Даже самые отклонения в сторону и замечания, брошенные вскользь, мы часто не считали удобным опускать, находя, что все это, вместе взятое, уясняет до некоторой степени мировоззрение слушателей..."⁸ Особо следует отметить интереснейший "Отдел географический" 2-го тома "Указателя", составленный одной из лучших сотрудниц Алчевской А.М. Калмыковой⁹, в котором приводятся прямые высказывания крестьян о природном мире, о географических понятиях, о России и других странах и народах.

Ответить на вопросы, поставленные в программе Рубакина и подразумевавшиеся авторами указателя "Что читать народу?", т.е. что и как читали в России простые люди в конце XIX в., является одной из задач моей работы. К этим вопросам я прибавлю еще один, для меня самый важный и исследователями до сих пор не затрагивавшийся: как воспринимали эти люди читаемое и как отражалось в этом восприятии их мироощущение? С этой точки зрения я и попыталась проанализировать хранящиеся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки подготовительные материалы к книге Н.А. Рубакина и Указатель "Что читать народу?" Особая ценность этих двух источников состоит в том, что они содержат высказывания самих "социальных актеров", отчасти в подлинных документах, отчасти переданные, как кажется, со всей возможной точностью. Конечно, и эта "точность", о которой очень заботилась Ал-

чевская, все же лишь относительно. Стоит ли говорить о том, что интерпретация, хотя бы невольная, при записи живой речи читателя или слушателя неизбежна?

Народное чтение и книги для народа не раз становились предметом исследований отечественных книговедов, рассматривавших проблему с точки зрения развития библиотечного и книжного дела, грамотности и образования в России¹⁰. Особо отмечу работы Н.М. Зоркой, посвященные массовой литературе конца XIX – начала XX в.¹¹ Русской лубочной литературе посвятил вышедшее в Нью-Йорке в 1985 г. большое исследование “Когда Россия училась читать: Грамотность и народная литература, 1861–1917” американский историк Д. Брукс¹². Тема развернута американским ученым как исследование по истории русской народной культуры. Наших современных исследователей эта тема почти не привлекает. Среди работ последних лет стоит назвать только одну книгу, в которой сделана попытка комплексной характеристики культуры русского крестьянства. Это опубликованная в 1991 г. работа М.М. Громыко “Мир русской деревни”¹³.

Книга М.М. Громыко построена на богатейшем материале архивов и публикаций современников. Она содержит множество интересных сведений, написана легко и занимательно. Настораживают, однако, уже первые слова эпиграфа, взятого из полемического выступления Ю.Ф. Самарина: “Во имя какой-то мнимой истины вы затемняете светлые стороны деревенской жизни...” Но если отказаться от поисков истины, возможно ли то, что задумал автор – “объективный показ старой деревни”? Хочется заметить в скобках, что вообще-то такая постановка вопроса кажется архаической. Но так или иначе – следует ли автор поставленной задаче?

Описывая повседневную жизнь крестьян, их хозяйственную деятельность, праздники, социальные отношения, обычаи, нравственные установки, исторические представления, Громыко выделяет одни лишь светлые черты деревенской жизни. Ее темные, мрачные стороны для автора как бы не существуют. Русский крестьянин, в изображении М.М. Громыко, – совершенно идеальное существо. Он трудолюбив, добросовестен, инициативен, интересуется новыми способами хозяйствования, исполнен достоинства, милосерден, благочестив, совестлив, примерный семьянин, умеет увязать индивидуальные интересы с интересами семьи, а интересы семьи с делами коллектива селения, грамотен, много читает и, по-видимому, совершенно не пьет водку. Сельская община – демократическая организация, обеспечивающая бесперебойность хозяйства и воспитание своих членов в духе заинтересованности общими делами. Нарисована радужная картина некоего почти идеального сообщества разумных, просвещенных людей совершенно особой культуры.

Суждения автора подтверждены документами, никакого искажения фактов нет. Все дело в отборе документов и их интерпретации. Главное же – общие установки. Трудно, конечно, спорить с утверждением о том, что “благожелательное слово” о народе способствует тому, чтобы “мак-

симально развернулись положительные возможности этого народа"¹⁴. Но нельзя же, руководствуясь этим постулатом, закрыть глаза на все, что препятствует изображению русской деревни в исключительно розовом свете! Вряд ли такая работа может быть полезна для становления самосознания современного русского человека, которому после десятилетий изоляции предстоит стать равноправным членом мирового сообщества.

Меня интересовала в книге М.М. Громыко глава "Грамотеи и книжники", посвященная крестьянскому чтению. В ней очень интересен и содержателен раздел о старообрядческой книжной и письменной культуре XVIII в. В разделе о XIX в. для характеристики круга чтения крестьян в конце столетия использован богатый материал обследований Этнографического бюро В.Н. Тенишева. Приведено много сведений о грамотности крестьян, о состоянии народного образования, о литературных вкусах крестьян и масштабах крестьянского чтения. Автор утверждает, что значительная часть крестьянства активно относилась к грамоте и чтению, стремилась выучить детей. Крестьяне приобретали дорогие книги, составляли собственные библиотеки, организовывали подписку на газеты и журналы, читали вслух. На мой взгляд, здесь, как и во всей книге, действительность сильно приукрашена. Доказательств можно было бы привести множество. В частности, знакомство с вышедшими в последние годы работами сибирских исследователей, задавшихся целью создать много-томную коллективную монографию "Книжное дело Сибири и Дальнего Востока"¹⁵ убеждает в том, что М.М. Громыко не совсем права.

Эти исследователи основывают свои работы на материалах многочисленных обследований, проводившихся в Сибири в конце 80 – начале 90-х годов в связи с подготовкой реформы поземельных отношений. Было выявлено совершенно плачевное состояние грамотности и образования в Восточной Сибири. Ничтожное количество сельских школ, из-за дальности расстояний недоступных большинству крестьянских детей, злоупотребления в школьном деле, недостаток книг, весьма узкий круг крестьянского чтения отмечали все участники обследований. Конечно, такое состояние книжного дела в Восточной Сибири объяснялось в значительной степени удаленностью от центров книжной культуры, условиями жизни в небольших, отдаленных друг от друга селениях, составом их жителей и т.п. Но и в Европейской части России дело обстояло не совсем так, как показывает М.М. Громыко. Это касается, к примеру, вопроса о домашних крестьянских библиотеках. В 1903 г. Полтавское губернское земство опубликовало статью с данными о домашних библиотеках на се-
е. В результате обследования была выявлена 921 крестьянская домашняя библиотека. При этом считалось, что наличие одной книги – уже библиотека. У некоторых крестьян насчитывалось, впрочем, до 50 книг, но в половине обнаруженных библиотек было не более пяти книжек. У большинства же обладателей "библиотек" книг было немного¹⁶. Обследование, проводившееся земскими статистиками во Владимирской губернии в 1903 г., показало, что во многих уездах нет общественных библиотек и книжных складов. В 11% ответов на анкету сообщалось, что в де-

ревне книг нет совсем. Один священник в виде утешения сказал: “Книг для чтения в нашем селении не имеется, но храм Божий в праздничные дни посещают”¹⁷.

По определению Рубакина, “читатели из народа” – это крестьяне, солдаты, фабричные рабочие, ремесленники, мелкие торговцы, мелкие чиновники, приказчики, прислуга, половые в трактирах, грамотные и полуграмотные, читающие самостоятельно или слушающие чтение вслух. В данном контексте их объединяет уровень грамотности, интерес к книгам и само чтение. Примем и мы – условно – этот термин.

Среди читателей из народа и в городе и в деревне встречались грамотей-начетчики¹⁸. В северных губерниях, в Сибири и в некоторых местах центральной России было много начетчиков – старообрядцев. Но они читали, переписывали и пропагандировали только старообрядческую духовную литературу и к чтению любых иных книг относились резко отрицательно. Но и помимо них в условиях уже значительно секуляризованного общества некоторые крестьяне и городские простолюдины собирали книги, выписывали газеты, пропагандировали пользу чтения, советовали окружающим, какие книги следует покупать и читать, наконец читали вслух желающим. В архиве Рубакина находим, например, материалы крестьянина села Богородское Нижегородской губернии Ф. Желтова. Отец его, из молокан, имел серьезные книги и выписывал несколько газет. Сам Желтов кончил сельскую школу и стал много читать – сначала беспорядочно, затем следуя печатавшимся в журналах отзывам о книгах. Покупая книги, он составил домашнюю библиотеку (в ней были Белинский, Добролюбов, Толстой, Тургенев, Гоголь, Достоевский, Диккенс, Шекспир и др.), а также устроил в деревне общественную библиотеку. Этот деревенский читатель начал писать, был автором нескольких книг для народа. В своих ответах на анкету Рубакина он рассуждает о том, что интеллигенция должна сблизиться с народом, жаждущим духовной пищи, и доставить ему эту пищу¹⁹. Крестьянин С. Бородулин из Калужской губернии окончил 2 класса в сельской школе, с 12 до 15 лет работал в Петербурге на шерстяной фабрике, затем по настоянию отца вернулся домой. Летом он работает в поле, зимой мастерит лопаты. Много читает сам и устраивает в деревне чтения вслух. Отвечая на вопросы анкеты Рубакина, он пишет целые сочинения²⁰. Книги и чтение делают этих людей заметными фигурами в деревне; к ним обращаются за советами и просто для беседы.

И в городе рабочие, любящие чтение и интересующиеся книгами, приобретают влияние на окружающих. Корреспондент Рубакина, петербургский рабочий Яковлев, из крестьян, учился в воскресной школе, читал книги по астрономии и в августе 1887 г., когда ожидалось солнечное затмение, пытался объяснить окружающим, что это такое и почему затмение можно предсказать²¹. Такие “читатели из народа” умели выбирать, оценивать книги и несколько свысока смотрели на своих полуграмотных товарищей. Был и другой тип – начинающий “читатель из народа”. Таков, например, 17-летний типографский рабочий из Петербурга (имя его в документе не указано). Родился в Нижнем Новгороде, посещал

школу три года, продолжить учебу не мог “по неимению средств родных”. Много читает, но, как сам говорит, “без всякого разбора”, большей частью романы, повести и рассказы. С 15 лет начал работать в типографии, обучаясь наборному делу. Поступил в воскресную школу, желая продолжать образование и в особенности изучить иностранные языки, поскольку в текстах, с которыми приходится работать, попадаются иностранные слова. Жизнь молодого человека очень трудна: он уходит на работу в 8 часов утра и возвращается в половине девятого вечера. Для занятий остаются лишь воскресенья, дни больших церковных праздников и табельные дни. “Условиями жизни, — пишет он, — я крайне недоволен, а именно по бедности”²². Таковы два социокультурных типа “читателей из народа”. Они читают без особого труда и, конечно, про себя. Мы познакомимся с третьим типом — полуграмотными жителями деревень и городов; их привлекают к чтению другие, читающие им вслух.

“Читателям из народа” предлагались три вида книг. Судя по ответам на вопросы Рубакина да и по многочисленным статьям 80–90-х годов о народном чтении, серьезной художественной литературы своего времени простые люди почти совсем не знали. Имена русских писателей были мало известны, особенно в деревне. Их книги были достоянием редких начетчиков. Такие книги были дороги, в деревне их было не купить. В коробах офеней и книгонош иногда попадались грубые переделки, переложения: стихотворения Пушкина, Лермонтова или Кольцова, напечатанные без указания имени автора в песеннике или календаре. В 80-х годах, как уже говорилось, некоторую популярность приобрели дешевые книжки, издаваемые специально “для народа”, особенно книжки издательства “Посредник”. Среди авторов “Посредника” были Л.Н. Толстой, В.Г. Короленко, В.Г. Гаршин, Н.С. Лесков, П. Засодимский, Н. Эртель, Вас. Ив. Немирович-Данченко, написавшие специально для народа рассказы из его жизни.

Но всем этим книгам народный читатель даже и в начале XX в. предпочитал лубочную литературу. Если в начале XIX в. ее читали только в городе, то с 60-х годов она распространяется и в деревне. Все корреспонденты Рубакина сообщают об особой приверженности читателей к лубочным книжкам; то же самое с сожалением отмечает и Алчевская. Участники дискуссий по проблемам народного чтения с удивлением и негодованием говорили о том же, объясняя успех “лубочной чепухи” недостатком “настоящих книг для народа” и неумением серьезных издателей заниматься сбытом своей продукции. Это, разумеется, справедливо, но не объясняет того факта, что еще и в начале XX в. “дельные книги” тонули в море царивших на народном книжном рынке лубочных изданий, гибко приспособившихся к вкусам простонародья.

Параллельно начинающемуся с XVIII в. динамичному развитию “высокой” литературы идет развитие массовой литературы, очень медленное (иногда почти незаметное) и лишь косвенно отражающее историю золотого и серебряного века русской литературы. Развитие массовой литературы определяется массовым вкусом, неизменным на протяжении едва ли

не столетий. Л.Н. Толстой полагал, что в нем отражена устойчивость “вневременного сознания крестьян”. Эта устойчивость массового вкуса, утверждает Н.М. Зоркая, исходя из идей В.Я. Проппа, определяется тем, что в каждом человеке неизменно живет – в тех или иных масштабах и формах – некий “исходный”, первоначальный вкус, соответствующий массовому. В основе его – устойчивые структуры, живые с архаических времен, древние константы привязанностей и предпочтений, архетипы фольклорного восприятия²³. Успех массовой литературы вообще и долголетие лубочных книжек, в частности, объясняется неизменным сохранением этих структур в читательском сознании. Лубочная литература – массовая литература эпохи полуграмотной России, первая “постфольклорная” стадия массового искусства. Она не умерла и тогда, когда Россия стала грамотной, но изменила формы, приспособиваясь к новой ситуации. Она и в наше время цветет пышным цветом, хотя и непохожа на те грубые дешевые книжонки, которые так охотно покупали народные читатели в конце XIX в.

Западноевропейская народная литература XIX в. представляла собой адаптированные тексты, родившиеся в недрах “высокой” культуры, приспособленные к пониманию и вкусам массового читателя. Например, как показал Р. Шартъе, книжки “Голубой библиотеки” во Франции создавали не столько авторы, сколько издатели, имевшие разработанную систему такой адаптации, начиная от сокращений и разбивки на небольшие куски и кончая заглавием и обложкой. В России дело обстояло иначе. Старый, “классический” русский лубок XVIII в. – это в основном переложение западноевропейских рыцарских романов или восточных сказаний. Новая же лубочная литература XIX в. – это книжки, составленные современными “профессиональными” авторами лубка²⁴. Некоторые из них, например Матвей Комаров, автор знаменитого “Ваньки Каина”, родоначальника “лубочного детектива”, И. Ивин (псевд. Кассиров), автор множества “исторических” книжек, “сатирик” Миша Евстигнеев сочиняли свои тексты сами, не стесняясь при этом, конечно, заимствованием сюжетов или деталей известных произведений; другие по-прежнему занимались переделками былин и народных сказок, грубым переложением произведений классической русской литературы – Гоголя, Жуковского, Лермонтова, Тургенева. Существовали лубочные переделки Шекспира, Э. Сю, Шатобриана. Распространялись разные варианты одного и того же произведения: каждый издатель заказывал для себя переделку наиболее ходких книжек и предлагал на рынок свой вариант.

Как и раньше, значительная часть лубочной литературы в XIX в. была представлена книгами, которые в народе называли “божественными”. Материалы различных опросов и обследований показывают, что именно они составляли большинство книг, находившихся в собственности у крестьян. Их тщательно хранили, отдельно от всех других, следили за их сохранностью, придавали им иногда даже магическое значение²⁵. По сообщению газеты “Енисейские епархиальные ведомости”, в 1885 г. в одном из сел Восточной Сибири книгоноши продали сразу 85 “божественных”

книжек при содействии местного иерея. Он обратился к прихожанам в церкви: "Вы все ожидаете манифеста от государя. Он вам прислал не земной манифест, а небесный. Вот к нам он прислал двух человек со священными книгами, которые продают почти ни за почем, очень дешево". Вообразив, что предложенные книги обладают какой-то особой силой, крестьяне, даже неграмотные, их тут же стали покупать, причем по 2-3 экземпляра²⁶. Само чтение религиозных книг многие крестьяне считали "богоугодным и душеспасительным делом"²⁷. И даже в конце XIX в. чтение "небожественных" книг во многих семьях порицалось как весьма вредное занятие. Люди старшего поколения порой запрещали членам семьи читать "гражданские" книги, благоговейно и ритуально читали про себя и вслух религиозную литературу и, случалось, насильно заставляли детей читать и перечитывать то, что им самим представлялось единственно благой духовной пищей²⁸. Впрочем, часто популярность "божественных" книг оказывалась несколько абстрактной. Как писал Рубакину крестьянин Егоров, "в посту все крестьяне любят читать книги духовного содержания, а когда же не пост, то любят лучше рассказы"²⁹. Другие сообщали, что книги духовного содержания любят старики, а молодежь предпочитает беллетристику. Характерно, что среди "божественных" книг — молитвенников, псалтырей, творений св. Отцов, книжек духовно-нравственного содержания (например, "Како подобает стоять в церкви Божией" или "Смерть закоренелого грешника и праведного") наиболее популярными были жития святых. Здесь была если не самая интересная, то во всяком случае трогательная фабула и столь интересовавшие народного читателя чудеса. Часто житие святого или мученика в этом смысле не уступало какой-нибудь "Страшной пещере колдуна".

Внешний вид книги соответствовал определенным ожиданиям публики. И в конце XIX в. покупателей лубка привлекала привычность, узнаваемость: неизменно маленький формат — in16, один и тот же объем (16—32—48—96 с.), яркая картинка на обложке, толстая бумага, дешевая цена. Очень важную роль играло заглавие. И.Д. Сытин свидетельствовал, что часто именно "хлесткое", "сногшибательное" заглавие решало участь книги³⁰. Народный читатель искал книгу не по имени автора, которого он не знал (имена лубочных писателей знали издатели, а не читатели), а по заглавию — "Ночь у сатаны", "Мертвые без гроба", "Убийство на дне моря" или же, например, "Спор полушалтанского с полуерофеичем". Что касается содержания лубочных книг, требовалась занимательность, достигавшаяся увлекательным фантастическим сюжетом, уносящим далеко от обыденности; таинственные приключения, волшебные события; яркие и сильные, всем понятные простые чувства; благородство и злодейство — на привычных местах, порок наказан, добродетель торжествует; простодушие, грубо красочный яркий, доступный пониманию язык — то, что вызывало негодование просветителей, читателям лубка представлялось прекрасным³¹.

Алчевская, относявшаяся к лубочным книжкам в высшей степени отрицательно (указатель "Что читать народу?" был ею задуман в значи-

тельной мере ради борьбы с ними), решила выяснить отношение к ним крестьянских слушателей. Собрались бывшие ученики сельской школы в возрасте от 14 до 18 лет. Еще до чтения выяснилось, что у трех сельчан есть книга, которую они намеревались слушать, – знаменитое сочинение Н. Зряхова “Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка умирает на гробе своего мужа”, но они так этой книгой дорожат, что почитать “на вынос” никому не дают. Алчевская так начинает свою запись об этом чтении: “Представьте себе, что вы (интеллигентный человек) перелистываете московское издание и пробегаете следующие строки: “Вы облегчили страждущую грудь мою, оживотворили мое мнение...”, “В контроль чувств моих я не допускаю никого, даже моих родителей...” Как смешно, высокопарно и вычурно кажется вам все это, как трудно вам представить себе, что подобные вещи могут произвестись на кого бы то ни было сильное и глубокое впечатление”³². И вот молодые крестьяне слушают, затаив дыхание, плачут, восхищаются, комментируют, долго рассматривают картинки. По мнению Алчевской, всем нравятся прославляемые автором “благородные чувства отваги, самоотвержения, борьбы страстей с долгом, решимости, великодушия”. Так же и в городе, сообщает Алчевская, девушки плакали над страданиями героев книжки. Алчевская признала, что “Битва русских с кабардинцами”, а также “Гуак, или Непреоборимая верность” пригодны для народного чтения, но “Приключения аглинского милорда Георга и маркграфини Фридерики-Луизы”, книжки, увековеченной Некрасовым под названием “милорда глупого”, пользовавшейся успехом у городских читателей, заклеила как произведение в высшей степени “циническое” и “чужь”. Но все же полагая, что, может быть, этот успех возможен только между фабричным людом, зараженным “городским цинизмом”, вознамерилась проверить свои впечатления в деревне. Учительница не решилась читать это “собрание грязных сцен”, а только показала слушателям книжку и спросила, не читал ли кто. Одна девушка сказала, что ей эту книжку брат привез с рудника. Учительница спросила, понравилось ли ей, ожидая, что девушка сконфузится. Но та ответила, что ей очень нравится. Что же именно нравится? “Все, – отвечала она... – одно другого интереснее” – и подробно пересказала содержание. “Циничные сцены” в устах девушки странным для Алчевской образом “утрачивали свой неприятный колорит и носили на себе характер простоты и безыскусственности”. Когда она излагала скабрёзную, по мнению Алчевской, главу о трех итальянских дамах – ловких и хитрых неверных женах, все весело смеялись³³.

Капитальное исследование истории русской лубочной литературы выполнил американский исследователь Д. Брукс, выявивший в библиотеках Москвы и Ленинграда 2 тыс. названий и 6 тыс. изданий лубочных книжек. Обширности и точности его библиографических сведений может позавидовать любой наш историк, занимающийся сходными проблемами. Американский исследователь полагает, что русская лубочная литература дает ключ для понимания характера русской народной культуры. Лубочные писатели и издатели не ставили перед собой никаких просветитель-

ских или дидактических задач, а, преследуя исключительно коммерческие цели, ориентировались на потребительский спрос, диктовавший им не только цены, но и темы, и жанры, и уровень, и тиражи. При этом они добились совершенно исключительных успехов. Именно поэтому, утверждает Брукс, лубочные книжки могут служить прямым источником для изучения внутреннего мира простого русского человека.

Рассматривая динамику жанров лубочной литературы и динамику спроса, автор избрал несколько занимающих существенное место в лубочных книжках тем, значимых для характеристики эволюции народного сознания и дающих материал для сравнения русской лубочной литературы с американской народной литературой. Эти темы – свобода и бунт, национальная идентичность и отношение к иностранцам, наука и суеверия, успех и социальная динамика. Анализируя развитие этих тем в лубочной литературе конца XIX – начала XX в. (в текст включены таблицы, наглядно представляющие динамику), Брукс приходит к выводу, что во взаимодействии и борьбе между специфическим российским традиционализмом и развивающимся новым сознанием выработывались рационалистические и космополитические позиции простого человека, росло ощущение индивидуальности и уверенность в возможности влиять на собственную жизнь. Европейские идеи (конечно, замечает Брукс, в упрощенной и измененной форме) проникли в сознание простых русских людей. Пассивное подчинение власти, идентификация с царем и православной церковью, смирение, покорность, фатализм, суеверия, ксенофобия уступают место этим новым идеям и установкам.

Выводы американского исследователя касаются большого, почти 50-летнего периода российской истории; тенденции в развитии народного сознания, происходившего за это время, намечены, по-видимому, верно. Однако, на мой взгляд, выводы эти чересчур оптимистичны. Духовный мир простых людей, особенно крестьян, оставался вплоть до окончания первой мировой войны, а может быть, и много позже, гораздо более традиционалистским, чем это представляется автору. Возможно, вывод Брукса диктуется и тем, что он судит об изменениях в культуре простонародья по содержанию лубочной литературы, не изучая ее восприятия читателями³⁴.

Как читали книги в неграмотной России? В 80–90-х годах были довольно широко распространены общественные чтения вслух. Помимо организованных с известным размахом чтений “для народа” при библиотеках или даже в специально построенных для этого помещениях (в городах), часто читали вслух и в деревнях, летними вечерами – под открытым небом, зимой в избе какого-нибудь грамотея. Корреспондент Н.А. Рубакина Ф. Желтов рассказывает: он зашел в избу деревенского горшечника, работавшего на хозяина и дававшего заработать бедноте. В доме духота, испарения, полуголые люди месят глину, делают формы, вращают гончарный круг. На полу десятка два книг – “Львица, воспитавшая царского сына”, “Аглинский милорд”, “Житие св. Алексея”, “Исай – эфиопский царь” и др. Отставной солдат лет 35-ти, без руки, читает вслух, иногда во время работы, чаще – в праздничные дни и по вечерам³⁵.

Х.Д. Алчевская в деревне читала вслух в семье своей бывшей ученицы, грамотной молодой женщины. Присутствовали ее муж и его родители. Приходили родственники, соседи, иногда случайные прохожие. Сложился более или менее постоянный кружок хорошо знавших друг друга деревенских слушателей. В процессе чтения некоторые из них имеют постоянные амплуа: есть резонеры, есть скептики, есть (очень немногие) приверженцы старых порядков, есть, напротив, интересующиеся всем новым и приветствующие его. Иногда роли распределяются в зависимости от положения “актеров” в семье или в общине. Не все в деревне одобряли чтения. Алчевская говорит, что многие старики осуждали в особенности молодых девушек, дразня их “читаками”, что, впрочем, по ее наблюдениям, не влияло на их положение невест; молодые парни их участию в чтениях не препятствовали, девушки благополучно выходили замуж.

Для большинства постоянных слушателей эти чтения были первым знакомством с книгами. Процесс чтения они воспринимали как живое общение с книгой, с чтницей и друг с другом. Хотя заранее договаривались о соблюдении тишины, слушатели постоянно прерывали чтение, вовсе не считая свое вмешательство нарушением порядка. По-видимому, оно не отменяло интереса и внимания к читаемому. Кто-то выражает непонимание, другие тотчас же ему объясняют, комментируют текст. Читают, например, рассказ Л. Толстого “Сократ”. Описание суда над Сократом вызывает недоумение: за что же его собираются осудить на казнь? Кто-то восклицает: “За что? Спаситель и тот не угодил людям, вот за что!” Когда читают о том, что ученики пришли к Сократу в тюрьму и предлагали бежать, один мужик сказал “убежденно и печально”: “Не схочет!” И несколько голосов повторили: “Не схочет! Лучше такую смерть принять, чем подкупить”³⁶. Иногда слушатели вступают в спор между собой и надолго прерывают чтение. Однажды, сообщает Алчевская, небольшую книжку О.Н. Хмелевой “Марья-кружевница”, в которой рассказывалось о судьбе крепостных матери и дочери, вместо часа читали три часа, потому что слушатели то и дело обращались к воспоминаниям о прошлом своих родителей и о собственном прошлом. Часто чтение побуждало к рассуждениям о собственных делах. Так, во время чтения “Грозы” А.Н. Островского молодой крестьянин прервал чтницу признанием, что его самого “мать родная поедом ест, и его, и невестку; как схватит за чуприну и таскает, пока не выбьется из сил, а он все молчит, лишь бы жену не трогала, на нем на одном все сердце свое сорвала”³⁷. Слушатели, особенно крестьяне, воспринимают читаемое с исключительной эмоциональностью, совершенно не скрывают своих чувств, громко хохочут в смешных местах, плачут, в особенно драматических местах вскакивают с мест, причитают, голосят. Н.М. Зоркая, говоря о типологии читателей с точки зрения психологии восприятия, разделяет их на “экспертов”, размышляющих над текстами, воспринимающих и оценивающих их художественную и иную ценность (у них “исходный”, первоначальный вкус “свернут”), и массового читателя, для которого характерно “перенесение” в мир вымысла ради развлечения и отсюда – пристрастие к “легкому чтению”³⁸. К какому ти-

лу восприятия можно отнести вышеописанную реакцию простонародных слушателей? Это не просвещенные “эксперты”. Это массовый читатель, которому не приходит в голову размышлять о качестве текста и его оценивать. Но это и не тот искушенный массовый читатель, что переносится в мир вымысла ради развлечения, отвлечения. Для крестьянских слушателей, впервые встречающихся с книгой, это – не “легкое чтение”. Они погружаются в мир текста как в живой мир, воспринимают его не как вымысел, а как реальность; они сопереживают героям от всего сердца, не предполагая, что это вымышленные персонажи, но относятся к ним как реальным, живым людям и все происходящее с ними воспринимают как происходящее “здесь и сейчас”.

Крестьяне предполагают, что описанное в книге происходило на глазах у автора в момент писания. В рассказе О.И. Шмидт “Галя” говорится: прошло четыре года. Слушатели останавливают чтение. Как это – прошло четыре года? Чтица объясняет. Тогда недоумевают уже по поводу того, почему не написано обо всем, что произошло за эти четыре года. Читают “Власть тьмы” Л.Н. Толстого. Авторская ремарка “прошло 6 месяцев” вызывает удивление. Наверное, говорит один об авторе, он там не был шесть месяцев, потом приехал и узнал, как и что³⁹. С подобным восприятием содержания книги связано и понимание труда писателя. Ни слушатели громкого чтения, ни самостоятельные читатели никогда не фиксируют в памяти имя автора и никогда им не интересуются. Я. Марков, 14-летний фабричный рабочий, в своей “тетради для записки книжек”, передавая очень кратко свои впечатления от чтения “Царя Салтана” (“не понравилась, потому что там все составлено просто так, не подходяще к жизни народа, вроде сказки”), “Гробовщика” (“тоже не понравилась, потому что там занятого нет ничего, только что сон ему приснился, больше нет такого ничего”), “Станционного смотрителя” (“тоже не понравилась, потому что там ничего особенного...”), ни разу не упомянул имени Пушкина⁴⁰. Деревенский начетчик, крестьянин Петров, приславший Рубакину сообщение о том, что читают крестьяне его деревни в Рязанской губернии, пишет: дал соседу почитать “Историю Дон-Кихота Ламанчского Чистякова...” (имеется в виду издатель Чистяков)⁴¹. Другое дело – как сочиняют книги. При чтении рассказа В. Гаршина “Сигнал” один крестьянин говорит об авторе: “...Точно будто он в душе сидел! Ну, скажем, к примеру, портрет (имеется в виду картина, которую пишет художник. – *примеч. Х.Д. Алчевской*): вышел он на высокую гору, смотрел, смотрел и написал, а это ж как?”⁴² Сочинителя часто считали человеком особенным, обладающим, быть может, сверхъестественными способностями и силой. Все-му, что говорится в книге, крестьяне верят безусловно. Корреспондент Н.А. Рубакина, грамотный крестьянин Бородулин, сам читающий вслух в деревне, сообщает о своих слушателях: “Если скажешь им, что это сказка, что богатырей этих не было, то в ответ получишь: как не было? А вот Илья-то Муромец разве неправда? Был при князе Владимире, а Соловей-то разбойник жил в Брянских лесах, они и теперь непроходимые, а тогда еще больше были”⁴³. Часто то, что вычитано в книге, приводится в каче-

стве неоспоримого аргумента в споре. Рабочий из Златоуста Городилов сообщал, что читатели верят любым историческим книгам. Он передавал слова одного рабочего, с которым спорил о взятии Казани при Иване Грозном: «Да вот я тебе принесу книжку, прочитай сам, если не веришь. И на другой день принес «Татарский наездник Епанча»»⁴⁴, лубочную книжку, которая, конечно, не могла заслуживать никакого доверия. Алчевская отмечает, что крестьянские слушатели, безусловно доверяя печатному слову, все описанные в ней чудеса большей частью воспринимали как нечто реальное. И саму книгу они воспринимали как нечто таинственное. Так, однажды заметив, что чтица делает в книге какие-то пометки, крестьяне насторожились и успокоились только когда она им разъяснила, что отмечает непонятные слова. И сам процесс писания, особенно в обстановке, для этого не предназначенной, иногда воспринимался как магическое и враждебное действие. Так, в 1885 г. в селе Языковка Саратовской губернии местного статистика приняли за антихриста по следующим признакам: 1) он *записывал* то, что ему говорили, 2) у него были черные перчатки, 3) он то и дело закрывал рукой лоб (очевидно, сатанинскую печать)⁴⁵.

В восприятии книжных текстов выявляются некоторые черты духовно-нравственного мира крестьян. В нем смешаны безусловная простодушная вера в Бога, благоговение перед Божескими установлениями (и не в последнюю очередь благоговение перед главными «божественными» книгами – Евангелием, Псалтырью, Житиями святых и др.), понятия о христианских ценностях, обрывки сведений о не очень-то понятных евангельских истинах, с одной стороны, а с другой – окружающий крестьянина в его повседневной жизни и деятельности мир суеверий и магических практик, веры в колдовство и чудеса.

Все слушатели Алчевской, несомненно, люди верующие, впитавшие веру в Бога, можно сказать, с молоком матери и ощущающие себя христианами. В евангельских истинах они не сомневаются и церковные, «официальные» понятия ни малейшему сомнению не подвергают. Полагаю, однако, что не вполне справедливы суждения М.М. Громыко о религиозной просвещенности русских крестьян. Описывая быт и нравы сибиряков, упоминавшийся выше Н.М. Астырев отмечает, например, что в селах Иркутской губернии церковь – сама по себе, верующие – сами по себе. Религиозные обязанности выполняют неохотно, храм посещают редко, не говеют, посты соблюдают неаккуратно, даже детей крестят с опозданием, нескольких сразу, дожидаясь, когда священник придет в село. С христианским учением сибиряки знакомы плохо, многие почти не знают молитв. Раскольничьи и сектантские учения здесь не прививаются, зато местные жители нередко обращаются к бурятским шаманам. Бывает, что в случае болезни приглашают священника, а если он не поможет – зовут шамана. «Шаманские места» – например, одинокие деревья, пользуются «суеверным уважением» и у русских крестьян⁴⁶. Алчевская сообщает, что ученицы воскресной школы в городе затруднялись в объяснении разных мест Нового Завета. На вопрос, как они понимают слова о том, что «пти-

цы небесные не сеют, не жнут”, удовлетворительного ответа получить не удалось. Одна ученица сказала: “Это вот как надо понимать, птицы летают, никакого вреда не делают, и Господь питает их, а людям так нельзя, люди должны работать”. Другая добавила: “Птица что, она уворует себе и улетит, а человека поймают и в острог посадят”⁴⁷. Не понимают значения слов о том, что нельзя служить двум господам – Богу и маммоне. Когда читали рассказ О.И. Шмидт “Гая”, где речь идет об обращении девушки-язычницы в христианство, некоторые не могли объяснить, кто же такой христианин. Это понятие, конечно, связывают со всем хорошо знакомой и любимой фигурой Спасителя Иисуса Христа, но вообще-то христианин – это прежде всего “свой”, “наш”. Кроме того, это понятие связывается с нравственной оценкой. Когда читали книжку о Сократе, один крестьянин сказал: “Ведь он был не из наших, не христианин?” “Да разве ж вы не слыхали? – возразил другой. – Тогда Спаситель еще не родился. Если б он жил при Спасителе, он был бы любимейшим его учеником”⁴⁸.

Другая сторона духовной жизни простого человека – мир суеверий. “Мы заметили, – сообщает Алчевская, – что рассказы о колдунах, ведьмах и привидениях вызывают весьма часто недоверчивое отношение и иронический смех. Этот смех как бы говорит, что в подобных розсказнях народ признает много выдуманного, преувеличенного, присочиненного, лживого, хотя в глубине души своей и верует в существование в мире темной силы в виде дьявола”⁴⁹. Алчевская совершенно верно почувствовала переплетение суеверий и их отрицания в одном сознании, но все же здесь звучит ее невольное стремление выдать желаемое за действительное. Многочисленные высказывания ее слушателей свидетельствуют о том, что все они верили в реальное существование нечистой силы, колдунов и волшебников. Все непонятное связывали с нечистой силой. При чтении лубочной переделки рассказа Г. Успенского “Нужда пляшет, нужда песенки поет” слушатели обсуждали, как фокусник придумывает свои фокусы. «“Нечистая сила”, – заявила одна женщина тоном, не допускающим сомнений. “Черная магия”, – сказала другая. Из разговора о железной дороге: “Люди говорят, что она не своей силой движется”, – высказалась одна... “А разве ж это от Бога!” – заметила, пожав плечами, другая. “Разумеется, нечистая сила”, – подтвердила третья»⁵⁰. Характерно, что сельские слушатели не принимали многих рассказов Л.Н. Толстого по той причине, что в них говорилось про чертей. Алчевская объясняет это тем, что крестьяне не так невежественны и суеверны, как о них часто думают, и рассказы про чертей почитают за ерунду. Полагаю, что вернее объяснения, которые давали корреспонденты Рубакина: рассказы Толстого, где говорится о чертях, нехороши, опасны по той причине, что в них много “черных слов” или “частые призывания антихриста”⁵¹.

Ученица Алчевской, 17-летняя городская девушка, прочитавшая рассказ А.Ф. Погоского “Чертовщина”, написанного с целью разоблачения суеверий (грамотей унтер объясняет солдатам смысл “чудес”), сказала, что книга ей очень понравилась, и принялась с увлечением пересказывать все детали о чертях, ведьмах, привидениях. Учительница спросила ее, как

она думает, это правда? “Разумеется, правда!” – отвечала ученица⁵². Такого рода примеры многочисленны.

С захватывающим интересом слушали истории о волшебных исцелениях, о колдовстве и колдунах. Они вызывали оживленные беседы и воспоминания о случаях из жизни. Когда читали рассказ В. Гаршина “Медведи”, не успели кончить, как все наперебой заговорили о чудесных свойствах медведей: некоторые слушатели сами подвергались лечению цыган, ложась под медведя, другие вспоминали, что медведь не захотел войти в чью-то избу, и это означало присутствие там ведьмы. Обсуждая повесть Е.Е. Гололобова “Вор”, где главный герой – мальчик, сын деревенского колдуна, вспомнили живущего в деревне “австрияку”, которого подозревали в обладании колдовской силой. Алчевская поясняет, что это зажиточный немец, слесарь, трезвый, грамотный, держится, как все немцы, особняком. В минувшем году он запас зерно для продажи. Летом совсем не было дождей. В деревне решили, что это колдовство “австрияки”, и если бы не пролился благодатный дождь, “не уцелеть бы новому красивому домику бедного немца”⁵³.

Всякие фантастические сведения о каких-либо необыкновенных происшествиях или о неведомых странах слушают с захватывающим интересом. Вот характерная сценка. Читали вслух “Русалочку” Андерсена. Одна из слушательниц воскликнула: “Вот и говорят, что нет русалок!” Крестьянин Савелий горячо возразил: “Да и нет их – разве ж не слышали, что это сказка!” В это же время в углу комнаты Онуфрий уверял всегда высказывавшую разного рода сомнения старостиху – постоянную слушательницу, что с тех пор, как Моисей провел евреев через море, а египтяне, преследовавшие их, пошли ко дну, племя их расплодилось под водою, и называются они фараонами. “Вынырнет да и закричит: фараон!” – говорил он, сильно жестикулируя. Старостиха не верила, говорила, что ее отец по морю ездил, а фараонов этих никогда не видел⁵⁴. Все подобные сведения большинство слушателей воспринимают с полным доверием. У А.Н. Островского в “Грозе” странница Феклуша сообщает о некоей земле, “где все люди с песьими головами”, данными им “за неверность”⁵⁵. Когда Алчевская читала крестьянам “Грозу”, в этом месте она ожидала смеха слушателей, всегда живо реагировавших на смешные места. Вышло, однако, по-другому. «Лица окружающих были серьезны, слова странницы слушались со вниманием и интересом, и возгласы носили на себе характер возгласов горничной Глаши (из пьесы Островского. – С.О.), которая говорит: “А мы тут сидим, ничего не знаем!...”» “...Хоть расскажут, спасибо! – Земля слухом полнится! – вторили ей слушатели”⁵⁶. Старостиха возразила: она слышала, что где-то живут люди, обросшие шерстью, но чтобы с песьими головами – это кажется ей неверным. Ее тоже выслушали, но без интереса. Слухи о песеголовцах были широко распространены. Это выявляется в ответах на вопрос Калмыковой о том, про какие земли слышали, какая самая дальняя земля и какие там живут люди. По мнению одного крестьянина, “песеголовцы” живут где-то в горах Кавказа. В другом ответе “песеголовцы” поселены на сказочном острове Буяне: “Живут они

в самой далекой стране не только от нас, но даже от Китая, страны самой далекой от нас, где-то за океан-морем, в соседстве с печеригами, которые питаются одними только исключительно черепашьими яйцами"⁵⁷.

Характерную особенность восприятия народных читателей составляло ожидание чудес. Слушатели бывали разочарованы, когда их не происходило. Слушая рассказ Л.Н. Толстого "Где любовь, там и Бог" (Господь обещает сапожнику прийти к нему назавтра в гости, а являются озябший отставной солдат, женщина с младенцем и старуха с мальчиком; всем трем сапожник с любовью помогает), все были разочарованы: они ожидали самого Иисуса, тогда как явились простые люди. Чуда, говорит Алчевская, ждали даже там, "где оно явилось бы почти невероятным... усматривали присутствие сверхъестественного в том, что объяснялось весьма просто"⁵⁸.

Как ощущают себя люди, названные мною "народными читателями", как понимают они свой национальный и общественный статус и свое отличие от "чужих", в частности, от иноверцев и жителей других земель? Отвечая на этот вопрос, я опираюсь на записи, воспроизведенные А.М. Калмыковой в "Отделе географическом" 2-го тома указателя "Что читать народу?"

В разъяснениях о том, чем жители других земель, "чужие", отличаются от русских, на первом месте стоит, пожалуй, различие в вере: крещеные-некрещеные, христиане-магометане. При этом не обнаруживается четкого представления ни о различиях между религиями, ни о том, кто действительно к какой вере принадлежит и тем более представления о сути или хотя бы о признаках разных вероисповеданий. О китайцах в некоторых ответах говорят как о крещеных одной с русскими веры, в других, напротив, они определяются как некрещеные; о турках в одном ответе сказано, что они магометане и "поклоняются предметам разным"; другой сообщает, что турки "веры католической". К католикам отнесены и англичане, а также и татары, которые "не знаю чем заведуют, католики, народ особенный". Немцы "в Христа не веруют", а евреи "в Бога веруют, а в Христа нет". Поляки - русские, но "не по-нашему крест кладут". Калмыки "веруют в лукавого, что человека искушает".

Крестьяне в своих разговорах постоянно ставят проблему веры, верности своей вере, не одобряют перемену веры. Например в рассказе "Свет жизни" речь идет о том, как в вагоне поезда издеваются над оборванным и озябшим евреем-выкрестом, и только один богобоязненный и степенный пассажир вступает за него и стыдит охальников. Сначала слушатели смеялись, как смеялись над беднягой пассажиры. Затем задумались: он ищет веры, а над ним смеются. "Сломал он веру - ни той, ни этой, а каждая вера от Бога дается", - рассуждали крестьяне⁵⁹. Когда слушали "Битву русских с кабардинцами", всех особенно тронуло то, что герой, попавший в плен, не согласился принять мусульманскую веру. Стоит заметить, что в этой книжке изображается, без всякого нажима, как нечто естественное, горячая любовь между мужчиной и женщиной разных вероисповеданий.

У меня вызывает сомнение утверждение Д. Брукса относительно ксенофобии русских простолюдинов, преодоленной лишь в начале XX в.⁶⁰ В ответах на вопрос А.М. Калмыковой о далеких странах и чужих народах находим тому подтверждение. Большинство отвечающих отдает Китаю первенство среди нерусских земель не только в богатстве, но и в силе, причем во многих ответах говорится о совершенно особенной роли Китая в будущем. С Китаем было связано много самых фантастических слухов, в частности о скорой кончине мира, которая произойдет после того, как некий "Китай-царь" пройдет по всему свету. Такого рода сведения сообщает со слов крестьян А.М. Калмыкова. "С начала века" Китай не воевал ни с кем. А воевать с ним опасно: "Там 400 медведей в латах сидят в погребках; когда их выпустят, они всю Россию пройдут, и тогда китайцы всех обратят в магометанство, тогда конец миру". Впрочем, в одном ответе сообщается, что на границе с Китаем стоит столб, "и на том столбу надпись, кем сделана от вечных времен, неизвестно, чтобы Китаю с Россией не воевать"⁶¹. Однако несмотря на все опасения, настоящей враждебности в высказываниях о Китае и китайцах нет. Врагами ни разу не названы даже турки, хотя отзывы о них даны вовсе не лестные. Их знают по недавним войнам. Один из отвечающих видел пленных турок и описывает их внешность, "очень отличную от русских". Другой сообщает, что они "некрасивы и грязны и вид их ненавистный, суровый и притом же немилостивый, настоящие кровожаты". "Мы знаем про турок, — пишет третий, — турки народ не крещеный, и они очень злые и напрасливы".

Не враги русским и англичане, хотя "Англичанка" — Англия — традиционно вызывает подозрение в коварных замыслах. "Англичанский народ очень хитрый. Все хитрости происходят от них". Среди небылиц вроде того, что там теплый климат или есть золотая гора, выделяется общее мнение, что там "народ промышленный". Англичане "выдумали чугунок", изобретают "разные действующие инструменты", "задумывают разные машины", "новенькие разные выделки". Люди в Англии живут богато. В Америке тоже народ живет богато, потому что американцы "народ искусственный". И если там узнают, что есть человек с "искусственным мастерством", то ему дадут денег⁶². О других народах есть лишь отрывочные, неаргументированные высказывания: на разное "рукоделие" способны и австрийцы. Швейцарцы трудолюбивы. Что касается немцев, эти "все тревожатся, бунтовщики".

И все эти чужие люди, крещеные и некрещеные, воинственные и миролюбивые, трудолюбивые и умные, "промышленные", выделяющие ситцы и шелка, выращивающие идущий к нам чай или кофе и разные фрукты, — все они "кормятся больше от нас". "Все идет с нашей стороны, — сказано в одном из ответов. — Я так располагаю, что если им не отпустить хлеба, то они пропадут с голоду"⁶³. В этом — кормить всех — состоит ныне миссия России и русских людей, главное занятие которых — хлебопашество.

Что же такое Россия, какое место занимает она среди других стран и народов, каково ее прошлое и настоящее, в чем состоит ее сила? И кто та-

кие русские? Опираясь на тексты ранней русской лубочной литературы, считая их прямым выражением особенностей русского национального мироощущения, Д. Брукс отмечает, что до второй половины XIX в. знаками "русскости" была православная церковь и царь. В отличие от большинства европейских народов, небольших, живущих на компактных территориях, в культурном отношении гомогенных и обладавших, в силу этих обстоятельств, неотрафлексированным ощущением национальной идентичности, русские, населявшие огромные пространства многонациональной империи, простиравшиеся от Восточной Европы до дальних пределов Азии, такого ощущения не имели (Брукс, между прочим, усматривает здесь сходство с проблемой национальной идентичности в Америке). Быть русским означает быть верным православной церкви и царю – так в раннем русском лубке.

К концу XIX в. прогрессирующая секуляризация общества, развитие светского образования и расширение возможностей передвижения изменило ситуацию. В лубочной литературе прежние символы и опоры русскости утратили значение, уступив место осмысленной идее национальной идентичности, нашедшей выражение в описании величия русских среди других народов⁶⁴. Это очень верное наблюдение, подтверждающееся прямыми высказываниями, приведенными А.М. Калмыковой. Только в трех ответах представление о России связано с царем: "Россия государство нашего белого царя", "наша земля, где царствует император Александр Александрович", "окружность нашего государя". О России как о родине православных христиан не говорит никто. Россия – это "наша земля", "родная сторона", "совокупность людей, которые здесь живут", "общее название городов и губерний", "наше государство". Россия выделяется среди других государств, противопоставляется "Белу свету", который в одном ответе назван "Ятропой". Есть ответы, где, наоборот, Россия отождествляется с "Европией" и даже "со всем земным шаром".

Основные характеристики России – это ее величина, богатство и боевая сила. Это огромное пространство хлебодородной земли, "земли сила несметная", "самая лучшая земля, которая дает хороший урожай", здесь "всего достаточно". Этим определяется и превосходство России над всеми другими странами. Ни одной частички своей земли она никому не отдала. Никто не может победить Россию. Сама же она имеет право на завоевания и завоеваниями создана. Неграмотный кубанский казак сообщает: когда Бог раздавал землю, "наш русский пришел позднее всех, то ему и меньше досталось. Тогда Бог сказал ему, чтобы он отбивал себе землю у других, потому мы теперь и воюем завсегда со всеми народами"⁶⁵. И завоевания русских благодетельны для покоренных народов. В покоренной Сибири "все эти люди живут теперь мирно и служат нашему государю", "поляки прежде дурны были, когда на нашего императора войной шли; теперь, как повинуются, лучше стали". Покоренные народы и должны повиноваться и принять все наши установления. Черкесы, например, которые "не поймешь что говорят", должны выучиться русскому языку:

“Мне по-ихнему нет нужды разговаривать, а они по-нашему должны уметь...”⁶⁶.

Сила России заключена и в людях, ее населяющих. Они обладают особыми качествами, не отмеченными в описании жителей других стран. Русский народ “храбрый и образованный”, он “хитрее, знает, как воевать, обойти, подобраться ловчее”. К тому же “нет веры сильнее нашей”; “русский народ друг за друга помрут, а все-таки неприятелю в руки не дадутся”. Даже недостатки русского выглядят как достоинства. Кубанский казак, объясняя право России на завоевания, хочет показать, что русский человек за богатством не гонится, пусть даже его бескорыстие проистекает из природной лени и привычки всюду опаздывать. Но ни в одном ответе нет речи о трудолюбии или трудовых умениях русских, о проворстве или изобретательности, подобных тем, что отмечается у англичан или американцев.

Поиск идентичности русского человека идет главным образом в сфере его принадлежности к богатой, мощной, славной родине и принадлежности к тем людям, которые хороши и в нынешнем своем виде, пусть необразованные, повсюду опаздывающие, зато бескорыстные, щедрые, храбрые, готовые друг за друга живот положить, никому не поддающиеся, весь мир кормящие. Ученые русским людям, в общем, впрок не идет. Это за границей человек учится и употребляет свои знания на пользу другим, а “русский мужичишка”, если чуть выучится писать, бросает свое главное природное дело – хлебопашество, нанимается к барину в приказчики и в конце концов становится “посадским”, а это значит, что для общества это как бы потерянный человек. Все – и крестьяне, и рабочие почитают сельский труд наилучшим и выражают мысль о кровной связи жителей России с землей. Алчевская приводит высказывание пожилого крестьянина при чтении книги Н.И. Соловьева “В омуте (воспоминания фабричного)”. Автор негодует на тех, кто меняет благородный труд хлебопашца на наемный труд рабочего. Слушавший чтение крестьянин заметил, что обстоятельства могут всякого вынудить искать себе заработки повсюду, где это возможно. Однако, сказал он, “земли своей никто не оставит... Наше дело такое: где земляца, там и мы, там нам и наилучше”⁶⁷. Только крестьянский труд, пишет рабочий Н. Филиппов, удовлетворяет человека. Земля вознаграждает его усилия; труд на свежем воздухе благотворен для здоровья. “На нрав человека труд земледельца очень хорошо действует. В нем он не видит для себя никакого соблазна”⁶⁸.

Свою роль в поиске национальной идентичности играют исторические представления. По свидетельству всех исследователей и всех корреспондентов Рубакина, простой народ очень интересуется “историческими” книгами, спрашивает и покупает их. Больше всего интересуют народного читателя исторические личности – цари, полководцы, военные герои, предводители восстаний, а также и история войн, в особенности описания героических подвигов русских солдат – все, что свидетельствует о силе и славе России и об особых боевых и героических качествах русских людей. Стоит отметить, что упомянутый выше 14-летний рабочий Марков, которому не понравились сочинения Пушкина, одобрил только лишь “Оборону Севастополя”: “Понравилась, потому что тут сказано, как народ сражался за царя и за

себя, как шли сотнями, а все не сдавались врагам, бились до последней капли крови". Корреспонденты Рубакина сообщают, что в рабочих квартирах можно увидеть на стенах листы, изображающие военных героев, например, Суворова, Скобелева, царя Петра, императрицу Екатерину II, а также иллюстрации эпизодов войны 1812 г. и 1877 г. Имена Ивана Грозного, Петра I, Екатерины II встречаются в высказываниях крестьян и городских слушателей. Разделения на специальные работы по истории и беллетристические книги с историческим сюжетом для народного читателя не существует. Под "историческими" подразумеваются главным образом лубочные сочинения на исторические темы. "Как жили – были наши предки славяне", "Дмитрий Иванович Донской", "Иоанн Калита", "Ермак Тимофеевич, покоритель Сибири" – это еще лучшие из них. Вот как характеризует чтение рабочими Златоуста исторических сочинений 19-летний рабочий, корреспондент Рубакина: «Исторические сочинения интересуют народ больше, чем романы, повести. Как во всем, так и в истории любят сильный эффект, историю какую-нибудь, заслуживающую этого названия, но с романтической подкладкой, главное внимание обращается на героев. Не имея хороших книг, они и пользовались сведениями из книг "Взятие Казани", "Битва русских с кабардинцами"». Правда, автор письма добавляет, что знает лиц, "с удовольствием слушающих отрывки из учебников истории (Иловайского я читал, когда учился, о 1812, 1612, начало Руси, Иоанн IV, Петр I, Екатерина II и т.п.). Как и во всем, тут требуется законченность статьи, и книга, тем более хорошая, может произвести впечатление, чем благоприятнее финал. Вообще историческим книгам верят и верят в описываемые факты"⁶⁹. В опросах Калмыковой обращает на себя внимание соединение отрывочных исторических представлений со сказочными образами. История других стран, по-видимому, совсем неизвестна простым людям или же выглядит мифологически.

Кем сознают себя наши "социальные актеры" в пореформенном обществе и как они оценивают произошедшие в нем перемены? Алчевская в своих записях подчеркивает, что почти никогда она не слышала сожалений об ушедших временах крепостного права. Слушатели постоянно вспоминали о жестокостях прежних помещиков и осуждали их самодурство. При чтении повести "Марья-кружевница" старостиха сказала: "Хорошо, что теперь все вольные; хоть голодные, хоть голые, а все лучше!" Вспомнили о манифесте 19 февраля, о покойном императоре Александре II: «"Нехай под ним земля пухом! Нехай его Господь около себя посадит!" – говорили бабы, вспоминая молебствие, отслуженное 19 февраля вскладчину, когда каждый принес последнюю копейку и все в церкви плакали»⁷⁰. Читая "Сократа", рассуждали о том, можно ли крепостных считать рабами. Вспоминали о помещике, который приказывал так пороть крестьян, что после экзекуции они не могли сами идти. "А вы еще говорите, что крестьяне были не рабы!", – воскликнул один слушатель. "Слава тебе, Спаситель, что минуло это", – говорили другие⁷¹. Лишь дважды упоминает Алчевская о ностальгических настроениях деревенских слушателей, но это касается только стариков, вздыхавших о прежних спокой-

ных, беззаботных временах и о том, что “раньше делились друг с другом всем”. Что касается молодых людей, они безусловно выбирали самостоятельность и независимость. В деревне читали рассказ Л.Н. Толстого “Ильяс”. Герой рассказа и его жена смолоду жили зажиточно, но потом обеднели и в люди жить пошли. Оба говорят, что не тогда были счастливы, когда жили самостоятельно, а счастливы ныне, в бедности, потому что только теперь нашлось у них время о душе подумать. Вспыхнул спор. Молодые слушатели в один голос заявили, что лучше быть хозяином, а не работником⁷².

Проблема труда, заработка и его использования очень актуальна для простых людей и живо обсуждалась читателями из народа. В фонде Рубакина есть записки малограмотных рабочих, крестьян “и других лиц”, содержащие ответы на вопросы, ставившиеся в городе учителями воскресной школы по теме “Труд и его значение”. Ни у кого из отвечавших не вызывает сомнения необходимость трудиться для собственного пропитания и для обеспечения родных и близких. Все отвечавшие написали, что труд полезен для здоровья человека, однако труд умеренный, посильный. Рабочий Бухарев рассказывает, что 14-ти лет приехал в Петербург и с тех пор работает на фабрике, и вот уже “глаза не так видят, и уши не так слышат”. Работать “хоть бы часов десять или одиннадцать, а то работает (народ. – С.О.) шестнадцать и больше”, – пишет он⁷³. Многие молодые рабочие размышляют о будущем и о возможности продолжить образование. Упомянувшийся уже молодой наборщик из Петербурга пишет, что помимо иностранных языков, знание которых ему нужно профессионально, он хотел бы изучить геометрию, географию, рисование, черчение, русский язык, арифметику, логику. Другие сообщали, что хотели бы научиться гравировальному мастерству, узнать об истории России, о географии, о животных и растениях. Рабочий Быстров пишет: “Мне охота узнать, что такое история, проза, поэзия и для чего писатели пишут в стихах и баснях и как это нужно понять”⁷⁴.

Пространные ответы были даны на вопрос о нравственном значении труда. Все полагают, что “без труда грешно”. Нравственное назначение труда – смирать человека, делать его “кротким, богобоязненным”, помогать ему “не думать ни о чем”. В особенности это касается тех, кто не утратил связь с деревней. Рабочий Деев рассказывает, как весной два месяца работал дома в деревне, где у него остались жена и пятеро детей. Урожай оказался таким, что едва хватило на семена, и уже с осени пришлось покупать хлеб. “А ничего не поделаешь, надо иметь терпение, терпение и труд все перетрут. Не гневи Бога ропотом, а молись Богу шепотом, молись и трудись, трудись и молись, в том вся жизнь человека (курсив мой. – С.О.)”⁷⁵. Как добиться независимости, самостоятельности, процветания, знают далеко не все и далеко не все к этому стремятся. Идея усовершенствования своего хозяйствования, способов своего труда не всплывает в использованных мною материалах, касающихся крестьян. Книгу “Как надо жить, чтобы добро нажить или о труде и о том, какие выгоды получают от него люди” (СПб., 1866), содержащую популярно изложенные простейшие экономические сведения, слушают с интересом, но интерес, как отмечает Алчевская, смешан с иронией⁷⁶. Книг по сель-

скому хозяйству большинство крестьян не знают и гораздо более важным, чем введение машин, почитают сохранение прежних обычаев. Во всех сведениях о книгах, имеющихся у крестьян, приводимых разными исследователями 80–90-х годов, специальные книги по сельскому хозяйству стоят на последнем месте. Добросовестность, честная работа ценятся высоко. Однако мысль о том, что наука или просто грамотность может помочь в труде, чаще всего отвергается. В деревне слушали рассказ Н. Эртеля “Жадный мужик”. Жадный молодой мужик, работая в городе у купца, мечтает разбогатеть и решает прежде всего научиться грамоте. Старик-грамотей, к которому он обращается, догадывается о намерениях парня, отказывается его учить, говоря, что не от Бога его охота выучиться, а от дьявола, а грамота не на то дана, чтобы душу погубить, а чтобы душу спасти. Жадный мужик все равно выучился грамоте у приказчика. Он начинает богатеть, но собственных успехов ему кажется мало, и он решает убить хозяина, чтобы взять его деньги. Крестьянские слушатели, сообщает Алчевская, пропустили мимо ушей проповедь старика, зато дружно и горячо “стали... доказывать, что грамота ведет к мошенничеству”, что крупные мошенничества всегда совершают грамотные люди, что простому честному человеку грамота ни к чему. В свете этих высказываний не вполне правомерными представляются уверения М.М. Громыко в том, что пассивность русских крестьян в XIX в. не более чем миф. Полагаю, что русский православный крестьянин – не столь идеальная, а сложная и противоречивая фигура. Конечно, все читатели из народа понимали грех как проступок против христианских заповедей и божеских установлений. Однако практическое их толкование не всегда было однозначным. Одним из первых рассказов, которые Алчевская прочтала крестьянам в семье своей бывшей ученицы, была рассказ Л.Н. Толстого “Два брата и золото”. Два брата, оба праведной жизни, набрали на груду золота. Один, подозревая что-то нечистое, в страхе убежал, другой взял золото и использовал его на благие цели: построил в городе больницы, приюты, и все его благословляли. Но когда он отправился повидаться с братом, ангел заступил ему дорогу и сказал, что не достоин брата, потому что золото было дьявольское. И он стал каяться и плакать, потому что понял, что не для Бога совершал свои дела, что не золотом, а собственным трудом надо служить людям. Мнения слушателей разделились почти напополам: “это было на грех ему”; “нет, на пользу душевную”; “голыми руками ничего не сделаешь”; “а я думаю, незаработанное впрок не пойдет”. “Что заработал, то твое, а чего не сделал, на то и не засматривайся”. В городе, где Алчевская читала тот же рассказ взрослым ученицам воскресной школы, реакция была совершенно единодушной. Все симпатии девушек были на стороне того брата, который взял золото, а нравоучительная мысль автора осталась им недоступной. Все были в недоумении относительно странного действия ангела, прогнавшего мужика: “Это за что же?” Замысел Толстого, по-видимому, не был понят слушателями или, во всяком случае, понят был далеко не всеми.

Алчевская подчеркивает, что крестьяне обостренно воспринимают и

с большим интересом обсуждают проблему греха и греховности. Евангельские истины всеми почитаются справедливыми и благодетельными, но следование им как правилам поведения в обыденной жизни представляется недостижимым идеалом. Крестьянин Рязанской губернии Петров сообщает Рубакину, что жители его деревни читали житие св. Франциска Ассизского и на вопрос о том, нельзя ли и самим поступать так же, отвечали: “У нас семейства, дети, да и времена ноне не такие... где уж нам, грешным, поступать так, мы и так уж убиты и страдаем”⁷⁷. Городские слушательницы Алчевской после чтения жития Филарета Милостивого, отвечая на вопрос о том, почему люди не раздают своего имущества нищим, говорили: “Если б Господь *сейчас* в свое царство призвал, может, человек и расстался бы, а то пока это исполнится, ему придется натерпеться нужды и бедствий”. “Как же он раздаст, а сам ни с чем останется?” – простодушно воскликнула ученица⁷⁸.

Милосердие, помощь ближнему, сочувствие – важные нравственные категории крестьян. При чтении рассказов о больных, убогих, страдающих слушатели всегда на их стороне. Сочувствие вызывают даже страдания “чужих”. Так, при чтении рассказа Вас. Немировича-Данченко “Махмудкины дети”, где речь идет о том, как во время войны с турками генерал, узнав, что пленный турок, бежавший и пойманный солдатами, оставил дома малолетних детей, отпустил его, слушатели очень сочувствовали несчастному турку, радовались тому, что он попадет домой и что русский генерал оказался не злым. То, что злоба – грех, что человек обретает душевное спокойствие, только избавившись от злобных чувств, а любовь к ближнему вообще и в частности к окружающим, стремление помочь им – высокая добродетель, признают все. Но не скрывают и того, что в реальной жизни бывает иначе, и сами вовсе не всегда следуют тому, что считают справедливым. И милосердие, и готовность прощать имеют свои границы, в крестьянской среде довольно жесткие. Хорошо известно, что традиционное милосердие по отношению к заключенным, раздача милостыни заключенным в церковные праздники, снисходительность в оценках их преступлений и вера в возможность их спасения через покаяние сочеталась с дикими жестокостями крестьянских самосудов, случавшихся даже в начале XX в. Странноприимничество, милостыня нищим, помощь погорельцам – и равнодушное отношение к тем, кто отступил от традиционных нравственных норм. Когда Алчевская читала рассказ П. Засодимского “Мирское дите” (речь идет о том, что община усыновила подкидыша и что вообще в деревне не делают различий между законными и внебрачными детьми), городские слушательницы сразу заметили: “Как можно! Это навек попрек! Это самые несчастные дети! Каждый ими гребует...” Деревенские слушатели тоже отметили, что “и мать, и дитя укоряют”, а то, что в деревне решили миром выкормить подкидыша, даже не обсуждали, а лишь дружно смеялись по поводу такого фантастического предположения автора рассказа⁷⁹.

Слушателей всегда особенно трогало описание несправедливо принимаемых страданий. Стойкое, но и кроткое поведение жертвы вызывало сочувствие: стойкость осужденного на казнь Сократа, не пожелавшего отказаться от своих убеждений и спокойно принявшего смерть; стойкость обращенной в христианство молодой девушки Гали, не пожелавшей предать

свою новую веру и готовой принять смерть из рук отца-язычника; позиция крепостной кружевницы Маруси, прощающей всем причиненные ей страдания; покорность никого не осуждающей больной молодой женщины, которую притесняет и мучает злая свекровь в рассказе "Хворая". Смирение, готовность принять свою долю, особая утешение в следовании Божьей воле, почитается добродетелью; в особенности это относится к крестьянам. Лубочный писатель И. Ивин, внимательно следивший за реакцией деревенских читателей на собственные книжки, заметил, что исторические сочинения, помимо "исторического элемента", привлекают крестьян своей "нравственной подкладкой", в частности "стойкостью против соблазнов и искушений, терпением... кротостью, покорностью судьбе..."⁸⁰

Материал использованных источников не дает возможности выявить отношение читателей из народа к новым общественным и государственным порядкам, входившим в жизнь народа. Однако ясно, что они наблюдали и оценивали все перемены. Живой интерес вызвало чтение книжки "Брат на брата" (переложение отрывка из романа В. Гюго "Девяносто третий год"). Один из слушателей надолго прервал чтение, рассказывая о суде, на котором он присутствовал. "Ах, если бы вы видели, какие теперь суды пошли, – взволнованно говорил он. – Я в Луганске был, когда судили Капитолину (Капитолина – крестьянка их деревни, убившая мужа. – С.О.). Была и защита, и если бы вы слышали те речи – говорит, как читает, и так умно да сердечно!" И он с удивительной последовательностью и достоинством произнес речь адвоката, затем прокурора. "А дальше – суд идет! Солдаты с ружьями, и топор тот самый лежит. Вот таким порядком: тихо, благородно, чудесно!"⁸¹ Но доверие смешивалось с опасениями. Крестьяне вовсе не всегда отдавали предпочтение новым формам правосудия. Вспоминая и осуждая наказания прежнего времени и деревенские самосуды, они не признавали полностью и справедливости новых судов и действий властей вообще. Так, при обсуждении рассказа Е. Гололобова "Вор", в котором урядник передает мировому судье дело о краже, совершенной деревенскими подростками, мнения слушателей разделились. Одни говорили, что урядник – человек грамотный, знает законы и все рассудит лучше мужиков. Другие возражали: своим судом рассудить вернее, в деревне все друг друга знают, а урядник человек пришлый, чужой, "ему хоть пропади ты, все равно!"⁸²

Тема, поставленная в данной статье, не исчерпана и не закрыта. Не использованы все ресурсы привлеченных источников, хотя в известном смысле их возможности ограничены. В указателе "Что читать народу?", в "Отделе географическом", откуда мы почерпнули сведения об отношении к другим народам и извлекли представления о России и русских людях, об авторах высказываний не сообщается почти ничего. Алчевская не сообщает подробностей ни о деревне Алексеевка, где она проводила свои чтения, ни о своих слушателях. Мы ничего не знаем об их имущественном положении, хозяйстве, семьях, об их отношениях с другими сельчанами. Если бы возможно было проанализировать жизнь этой деревни, понимание речей ее жителей стало бы более глубоким. С другой стороны, возможности источников неисчерпаемы. Было бы очень интересно, изменив

масштаб и угол зрения, поставить вопросы, на первый взгляд, частные, в действительности же, весьма значимые. Только один пример. Содержащийся в указателе материал о чтении крестьянам пьес А.Н. Островского позволяет рассмотреть в рамках проблемы “свой”–“чужой” вопрос о том, что именно превращает “другого” в “чужого”, и каковы вообще пределы возможности и пределы, способы познания “другого”, “чужого”, принадлежащего к иному социальному слою, иной вере или иной эпохе.

¹ Говоря “грамотный”, “неграмотный”, “полуграмотный” (применительно к России), мы ориентируемся на формулировки переписей 80–90-х годов XIX в. Во время первой российской всеобщей переписи населения в 1897 г. в графе переписного бланка грамотность определялась ответом на единственной вопрос: “умеет ли читать” оспрашиваемый. По результатам этой переписи в городах грамотными были 45,3% жителей, а в сельской местности – 17,4%. В земских обследованиях народного образования, проводившихся до 1897 г., различались “грамотные”, т.е. умеющие читать и писать, и “полуграмотные” – умеющие только читать. См.: *Богданов И.М.* Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР. М., 1964. С. 9. Участники многочисленных обследований, проводившихся по инициативе государственных органов, общественных организаций и частных лиц, не всегда следовали критериям, принятым статистиками. Сессия ЮНЕСКО в 1958 г. предложила считать грамотными тех, кто умеет читать с пониманием прочитанного и умеет написать краткое изложение своей повседневной жизни; полуграмотными – тех, кто умеет читать с пониманием, но не умеет написать краткое изложение своей повседневной жизни. См. *Богданов И.В.* Указ. соч. С. 10.

² См.: *Chartier R.* Lectures et lecteurs dans la France d'ancien Regime. P., 1987.

³ См., например: *Пругавин А.С.* Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. СПб., 1895; *Рубакин Н.А.* Опыт программы для исследования литературы для народа. СПб., 1889; *Он же.* Этюды о русской читающей публике. СПб., *Ан-ский С.* Очерки народной литературы. СПб., 1894; *Щепотьева Ел.* Уместные запросы народа и их удовлетворение // *Русская мысль.* 1889. № 4; *Некрасова Е.С.* Народные книги для чтения в их 25-летней борьбе с лубочными изданиями. Вятка, 1902; и др. Подробнейшую библиографию см.: *Brooks J.* When Russia learned to read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Princeton (N.Y.), 1985.

⁴ В 1885 г. программу изучения того, что читает народ, разработал Д.И. Шаховской. В 1888 г. – А.С. Пругавин. Круг чтения деревенских жителей можно было выявить в материалах обследований Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева. См. об этом: *Грышко М.М.* Мир русской деревни. М., 1991. С. 299.

⁵ Н.А. Рубакин (1862–1946) – известный книговед, библиограф, писатель. Он занимался изучением типологии читателей и написал книгу “Психология читателя и книги” (М.; Л., 1929) Другой его труд – “Среди книг. Опыт обзора русских книжных богатств в связи с историей научно-философских и литературно-общественных идей”. Т. 1–3. СПб., 1911–1915.

⁶ О Х.Д. Алчевской см. в особенности: *Лекаренко Д.М.* Из истории изучения читателя в до революционной России: Х.Д. Алчевская // *Труды Московского библиотечного института.* М., 1938. Вып. 1; *Фридьева Н.Я.* Жизнь для просвещения народа. М., 1963.

⁷ Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения. Составлен учительницами Харьковской частной женской воскресной школы. СПб., 1884. Т. 1; СПб., 1889. Т. 2; М., 1906. Т. 3. Особенно интересен 2-й том, где гораздо больше места, чем в томах 1 и 3, отведено отзывам о книгах, причем помещены материалы чтения не только в школах, но и взрослым крестьянам южнорусских губерний.

⁸ Что читать народу. Т. 2. С. 1–2.

⁹ А.М. Калмыкова (1849–1926), педагог и литератор, в 1885 г. переселилась в Петербург. сблизилась с Л.Н. Толстым, принимала участие в работе издательства “Посредник”, позже открыла собственный книжный склад изданий “для народа” и издавала две серии книг. “Жизнь прежде и теперь” и “Силы природы и труд человека”. А.М. Калмыкова была связана с легальными марксистами, входила в редакции их журналов “Новое слово” и “Нача-

- ло", в 1902 г. была выслана за границу. После Октябрьской революции работала в органах народного образования и в Ленинградском педагогическом институте им. К.Д. Ушинского.
- 10 *Базанов В.Г.* От фольклора к народной книге. Л., 1983; *Банк Б.В.* Изучение читателей в России (XIX век). М., 1969; *Козан В.З.* Из истории изучения читателей в дореволюционной России // Проблемы социологии печати. Новосибирск, 1969. Вып. 1; *Баренбаум И.Е.* История читателя как социологическая и книговедческая проблема // Труды Ленингр. гос. ин-та культуры. Т. 25; История русского читателя. Л., 1973. Т. 1; Л., 1976. Т. 2; Л., 1982. Т. 3; Общество, литература, чтение. М., 1978; *Блюм А.В.* Русская лубочная книга второй половины XIX в. // Книга: Исследования и материалы. М., 1981; Русская книга в дореволюционной Сибири. Новосибирск, 1984; Чтение: проблемы и разработки. М., 1985; Лубочная книга. М., 1990; Книга в России, 1861–1881. М., 1991; *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту. М., 1991; Чтение в дореволюционной России. М., 1992. Вып. 1. Чтение в дореволюционной России. М., 1995. Вып. 2.
  - 11 *См.: Зоркая Н.М.* На рубеже столетий: У истоков массового искусства в России 1900–1910 гг. М., 1976; *Она же.* Уникальное и тиражированное: Средства массовой информации и репродуцированное искусство. М., 1981; *Она же.* Фольклор. Лубок. Экран. М., 1994.
  - 12 *Brooks J.* When Russia learned to read: Literacy and popular literature... *См. также: Brooks J.* Readers and Reading at the End of Tsarist Era // Literature and Society in imperial Russia, 1800–1914. Stanford, 1978; *Idem.* Studies of the Reader in the 1920 // Russian History. 1982. N 2–3. Русский перевод одной из статей Д. Брукса "Грамотность и печать в России. 1861–1928" *см.:* Чтение в дореволюционной России. М., 1992.
  - 13 *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М., 1991.
  - 14 Там же. С. 7.
  - 15 *См.:* Распространение книги в Сибири (конец XVIII–начало XX в.). Новосибирск, 1990; Книжное дело в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1991; Издание и распространение книги в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1993.
  - 16 *Николаев А.А.* Книга в деревне. СПб., Б.г. С. 11–12.
  - 17 *Смирнов А.* Что читают в деревне // Русская мысль. 1903. № 7. С. 108.
  - 18 "Академический словарь русского языка" (М., 1982) указывает два значения этого слова: "человек, много читавший, но усвоивший прочитанное неакритически, формально" и "устар." – "человек, много читавший, начитанный (преимущественно в богословских, церковных книгах)". В этом "устаревшем" понимании я и употребляю слово "начетчик", как оно употребляется и в документах.
  - 19 Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 358 (Н.А. Рубакин). К. 5. № 6 (далее: ОР РГБ).
  - 20 *Рубакин Н.А.* К характеристике читателя и писателя из народа // Северный вестник, 1891. № 4.
  - 21 ОР РГБ. Ф. 358. К. 5. № 19.
  - 22 Там же. К. 14. № 16. Л. 15 об–16.
  - 23 *Зоркая Н.М.* Фольклор. Лубок, Экран. С. 15.
  - 24 О наиболее известных лубочных авторах *см.:* *Рейтблат А.И.* Указ. соч. С. 148–151.
  - 25 Там же. С. 157–158.
  - 26 *Цит. по: Оглезнева Г.В.* Круг чтения и читательские интересы крестьян Восточной Сибири в конце XIX в. // Издание и распространение книги в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1993. С. 72.
  - 27 *Ан-ский С.А.* Народ и книга. М., 1913. С. 70.
  - 28 *См.:* *Рейтблат А.И.* Указ. соч. С. 133–134.
  - 29 ОР РГБ. Ф. 358. К. 15. № 4. Л. 4.
  - 30 *Сытин И.Д.* Страницы пережитого. М., 1985. С. 78.
  - 31 Отсылаю читателя к книге Н.М. Зоркой "Фольклор. Лубок. Экран" (М., 1994), в которой подробно описано развитие русской лубочной литературы в XIX и особенно в начале XX в. Лубочная литература представлена как первый этап "постфольклорного" массового искусства, связанного с фольклором и нашедшего продолжение в современных формах массового искусства. О лубочной литературе XIX в. *см. также: Рейтблат А.И.* Указ. соч. С. 143–165.

- 32 Что читать народу. Т. 2. С. 549.
- 33 Там же. С. 549–551.
- 34 Критику такой постановки вопроса в работе Р. Мандру (*Mandrou R. De la culture populaire au XVII siècle: la Bibliothèque bleue de Troyes. P., 1964*) см. у А.Я. Гуревича: *Гуревич А.Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 336–337.*
- 35 ОР РГБ. Ф. 358. К. 5. № 6. Л. 28.
- 36 Что читать народу. Т. 2. С. 76.
- 37 Там же. С. 514.
- 38 *Зоркая Н.М.* Уникальное и тиражированное. С. 140.
- 39 Что читать народу. Т. 2. С. 134.
- 40 ОР РГБ. Ф. 358. К. 14. № 13. Л. 19–19об.
- 41 Там же. К. 5. № 15. Л. 7 об.
- 42 Что читать народу. Т. 2. С. 109.
- 43 Северный вестник. 1891. № 4. С. 128.
- 44 ОР РГБ. Ф. 358. К. 5. № 2. Л. 16об–17.
- 45 Этнографическое обозрение. 1894. № 4. М., 1894. С. 24.
- 46 *Астырев Н.М.* Очерки быта населения Восточной Сибири // *Русская мысль*. 1890. № 8.
- 47 Что читать народу. Т. 2. С. 71.
- 48 Там же. С. 76.
- 49 Там же. С. 525.
- 50 Там же. С. 154, 564.
- 51 *Рубакин Н.А.* К характеристике читателя из народа // *Северный вестник*. 1891. № 4. С. 115.
- 52 Что читать народу. Т. 1. С. 109–110.
- 53 Там же. Т. 2. С. 110, 140.
- 54 Там же. С. 563.
- 55 *Островский А.Н.* Полн. собр. соч. В. 12. т. М., 1974. Т. 2. С. 226.
- 56 Что читать народу. Т. 2. С. 515.
- 57 Там же. С. 800–801.
- 58 Там же. С. 60.
- 59 Там же. С. 549, 117.
- 60 *Brooks J.* When Russia learned to read. P. 233–237.
- 61 Что читать народу. Т. 2. С. 806.
- 62 Там же. С. 802, 805.
- 63 Там же. С. 803, 804, 805.
- 64 *Brooks J.* When Russia learned to read. P. 217.
- 65 Что читать народу. Т. 2. С. 804.
- 66 Там же. С. 800, 801, 804.
- 67 Что читать народу. Т. 2. С. 180.
- 68 ОР РГБ. Ф. 358. К. 14. № 16. Л. 19 об.
- 69 ОР РГБ. Ф. 358. К. 5. № 2. Л. 16 об–17.
- 70 Что читать народу. Т. 2. С. 105.
- 71 Там же. С. 75.
- 72 Там же. С. 93.
- 73 ОР РГБ. Ф. 358. К. 14. № 16. Л. 17.
- 74 Там же. Л. 3.
- 75 Там же. Л. 27 об.
- 76 Что читать народу. Т. 2. С. 824–825
- 77 ОР РГБ. Ф. 358. К. 5. № 15. Л. 6.
- 78 Что читать народу. Т. 2. С. 71.
- 79 Там же. С. 119.
- 80 Русское обозрение. 1893. Кн. 24. С. 259.
- 81 Что читать народу. Т. 2. С. 90.
- 82 Там же. С. 111.